

Понятие права

Анотація

Книгу Харта «Понятие права» (The Concept of Law) нередко называют главным произведением философии права XX в. В книге дан глубокий анализ наиболее фундаментальных проблем философии права.

Новаторские идеи Харта, высказанные в этой книге, до сих пор остаются чрезвычайно влиятельными. Более того, все последующее развитие философии права было в значительной степени реакцией на этот текст, и даже критики Харта неизбежно отталкиваются от этой книги.

Знакомство с ее содержанием необходимо для специалистов-правоведов, преподавателей юридических вузов и факультетов и всех, интересующихся философией права.

Герберт ХАРТ

ПОНЯТИЕ ПРАВА

Перевод с английского

О. О. Антипов

Издательство
«КНТ»
Киев – 2021

УДК 130.2:34
Х 22

Перевод с английского
О. О. Антипов

Харт, Герберт Лайонел Адольф
Х 22 Понятие права / Герберт Лайонел Адольф Харт. — Киев: Изд. «КНТ», 2021. — 384 с.

ISBN 978-611-01-2396-9

Книгу Харта «Понятие права» (The Concept of Law) нередко называют главным произведением философии права XX в. В книге дан глубокий анализ наиболее фундаментальных проблем философии права. Новаторские идеи Харта, высказанные в этой книге, до сих пор остаются чрезвычайно влиятельными. Более того, все последующее развитие философии права было в значительной степени реакцией на этот текст, и даже критики Харта неизбежно отталкиваются от этой книги.

Знакомство с ее содержанием необходимо для специалистов-правоведов, преподавателей юридических вузов и факультетов и всех, интересующихся философией права.

УДК 130.2:34

ISBN 978-611-01-2396-9

© Герберт Лайонел Адольф Харт, 2021.
© Издательство «КНТ», 2021.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моей целью в этой книге было развитие нашего представления о праве, принуждении и морали как различных, однако и связанных друг с другом социальных явлениях. Хотя работа изначально предназначалась для изучающих юриспруденцию, я надеюсь, что она может оказаться полезной и тем, чьи основные интересы лежат скорее в сферах моральной и политической философии или социологии, а не права в собственном смысле этого слова. Юрист будет рассматривать эту книгу как очерк аналитической юриспруденции, так как она посвящена скорее прояснению структуры правовой мысли, нежели критике права или правовой теории. Кроме того, во многих случаях я поднимал вопросы, призванные точнее определить значение понятий. Так, к примеру, я рассматривал: отличие выражения «был должен» от «имел обязанность»; то, как высказывание о том, что данное правило является действительным правилом закона, отличается от предсказания ожидаемого поведения официальных лиц; а также что мы имеем в виду, говоря, что данная социальная группа соблюдает правило, и в чем здесь сходство и отличие от утверждения, что ее члены обычно поступают некоторым образом. На самом деле одной из важнейших тем книги является утверждение, что ни право, ни любая другая форма социальной организации не могут быть поняты без осознания принципиального различия между двумя типами высказываний, которые я назвал «внутренними» и «внешними» и которые оба могут делаться относительно любого социального правила.

Несмотря на особое внимание, которое я уделяю анализу, книга может также рассматриваться как очерк дескриптивной социологии, ибо представление о том, что изучение смысла слов всего лишь проясняет слова, ложно. Многие

важные и непосредственно не очевидные различия между типами социальных ситуаций или отношений наиболее ясно выявляются благодаря изучению соответствующих выражений и того, как они зависят от социального контекста, нередко явно не названного. В этой области в большей мере, чем где-либо, верно то, что мы можем использовать, как сказал профессор Дж. Л. Остин, «более четкое значение слов, чтобы яснее воспринимать явления».

Я глубоко и очевидным образом обязан другим исследователям. В самом деле, большая часть книги касается недостатков простой модели правовой системы, сконструированной на основе императивной теории Остина. И хотя в тексте я позволил себе обойтись немногими ссылками на других авторов и свел сноски к минимуму, в дополнении, помещенном в самом конце книги, читатель найдет более обширные примечания, которые следует читать после ознакомления с содержанием каждой главы. Именно здесь мои взгляды сопоставляются с мнениями моих предшественников и современников, а также высказываются соображения о том, как можно было бы развить далее высказанные ими положения. Я избрал такую структуру работы отчасти потому, что сопоставления с другими теориями мешали бы непрерывному развитию моей аргументации. Кроме того, передо мной стояла и педагогическая задача: я надеюсь, что такая структура позволит опровергнуть мнение, что книга по теории права - это сочинение, из которого читатель в основном узнает о том, что по тому или иному поводу написано в других книгах. До тех пор пока пишущие будут придерживаться такого мнения, едва ли им удастся достигнуть прогресса в самой теории; и пока читатели согласны с этим мнением, образовательная ценность этого предмета будет невелика.

Я обязан слишком многим друзьям, помогающим мне в течение слишком длительного времени, чтобы иметь возможность высказать всем персональную благодарность.

Однако я должен здесь выразить особую благодарность г-ну А. М. Оноре, чья детальная критика помогла выявить многие смысловые и стилистические недочеты. Я постарался учесть все это, однако боюсь, что все равно осталось много такого, чего он бы не одобрил. Я обязан беседам с г-ном Г. А. Полом всем тем, что есть ценного в политической философии этой книги и предложенной в ней новой интерпретации естественного права. Я благодарен ему также за чтение гранок. Наконец, я благодарен доктору Руперту Кроссу и г-ну П. Ф. Стросону, которые ознакомились с текстом и высказали ценные замечания.

Г. Л. А. Харт

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ

1. ЗАТРУДНЕНИЯ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Не многие вопросы, касающиеся человеческого общества, задавались с такой настойчивостью, а серьезные мыслители отвечали на них столь различными, странными и даже парадоксальными способами, как это происходило с вопросом «Что есть право?»[1] Даже если мы ограничим наше внимание правовой теорией последних 250 лет и не будем рассматривать классические и средневековые спекуляции о «природе» права, мы обнаружим ситуацию, не имеющую аналогов ни в каком другом предмете, систематически изучаемом как отдельная академическая дисциплина. Не существует обширной литературы по вопросам «Что такое химия?» или «Что такое медицина?», как это происходит с вопросом «Что есть право?» Несколько строк на странице какого-нибудь элементарного учебника — вот все, что предлагается рассмотреть изучающему эти науки; и ответы, которые ему даются, очень сильно отличаются от тех, которые предлагаются студенту, изучающему право. Никто не считает проясняющим дело или важным настаивать на том, что медицина — это «то, что доктора делают с болезнями», или «предсказание того, что сделают доктора»; или объявлять, что то, что обычно считается характерной и главной частью химии — скажем, изучение кислот — в действительности вовсе не является частью химии. Однако в случае права часто произносились вещи, столь же странные, на первый взгляд, что и эти, — и не только произносились, но и защищались с такими красноречием и страстью, как если бы они являлись открытием истин о праве,

долго скрываемых искажениями его сущностной (essential) природы.

«То, что должностные лица предпринимают относительно споров, есть... закон»[2]; «Пророчества о том, что сделают суды... являются тем, что я подразумеваю под правом»[3]; «Статуты являются источником Права..., но не частями самого Права»[4]; «Конституционное право есть всего лишь позитивная мораль»[5]; «Не укради; если кто-то крадет — он будет наказан... Первая норма, если она вообще существует, содержится во второй, которая и является единственной подлинной нормой... Закон есть первичная норма, которая стимулирует санкции»[6].

Это лишь некоторые из множества утверждений или отрицаний, касающихся природы права, которые, на первый взгляд, выглядят странными и парадоксальными [1]. Некоторые из них, по-видимому, вступают в конфликт с наиболее прочно укорененными убеждениями и кажутся легко опровергими; так что возникает искушение ответить: «Конечно, статуты являются правом, по крайней мере одним из видов права, даже если существуют другие», «Конечно, закон не может означать просто то, что делают должностные лица или сделают суды, так как нужен закон, чтобы назначить должностное лицо или суд».

Несмотря на это, кажущиеся парадоксальными фразы не были произнесены визионерами или философами, профессионально занимающимися тем, чтобы подвергать сомнению наиболее ясные порождения (*deliverances*) здравого смысла. Эти фразы являются результатом длительных размышлений над правом профессиональных юристов, занимающихся тем, чтобы учить праву или практиковать его, и в некоторых случаях исполнять закон в качестве судей. Более того, сказанное ими о праве в действительности улучшило наше понимание права в свое время и в своем месте. Ибо, понятые в соответствующем контексте, такие положения одновременно и проясняют, и обескураживают:

они гораздо более похожи на огромные преувеличения некоторых — незаслуженно забытых — истин о праве, нежели на трезвые определения. Они бросают свет, который позволяет видеть многое из того, что было скрыто в праве; но этот свет настолько ярок, что ослепляет нас в отношении всего остального и, тем самым, так и не дает нам ясно увидеть целое.

В противоположность этим нескончаемым книжным дебатам мы находим, что большинство людей способны привести, с легкостью и уверенностью, примеры закона, когда их просят сделать это. Лишь немногие англичане не знают о том, что существует закон, запрещающий убийство, или требующий уплаты налогов, или определяющий, что должно быть сделано, чтобы составить действительное завещание. Практически каждый, за исключением ребенка или иностранца, впервые сталкивающегося с английским словом «law», легко смог бы умножить подобные примеры, а большинство людей могло бы сделать и нечто большее. Они могли бы описать, по крайней мере в общих чертах (*in outline*), процедуру, позволяющую обнаружить, является ли нечто законом в Англии; они знают, что существуют эксперты для консультаций и суды с окончательным авторитетным голосом по всем таким вопросам. Общеизвестным является гораздо большее, нежели это. Большинство образованных людей имеют понятие о том, что законы в Англии формируют некоего рода систему и что во Франции или Соединенных Штатах, Советской России и в действительности почти в каждой части мира, которая считается отдельной «страной», существуют правовые системы, в значительной степени сходные по своей структуре, несмотря на важные различия. Действительно, образование допустило бы серьезный ограх, если бы оставило людей в неведении относительно этих фактов, — и если бы всякий, кто знает их, смог бы сказать, каковы эти важные пункты сходства между различными правовыми системами, мы ед-

ва ли назвали бы это признаком чрезмерной утонченности. Можно ожидать, что любой образованный человек способен идентифицировать эти бросающиеся в глаза свойства хотя бы таким схематическим образом, как это сделано ниже. Они заключают в себя: (I) правила, запрещающие или предписывающие определенные типы поведения под страхом наказания; (II) правила, требующие, чтобы люди определенным образом компенсировали ущерб тем, кому они нанесли его; (III) правила, специфицирующие, что должно быть сделано, чтобы составить завещание, заключить контракт или другие соглашения, которые дают права или создают обязательства; (IV) суды, которые определяют, что является правилом, и ситуации, когда это правило нарушено, — и устанавливают наказание или компенсацию, которую следует возместить; (V) законодательный орган, для создания новых правила и отмены старых.

Если все это общеизвестно, то почему же вопрос «Что есть право?» продолжает фигурировать и на него было дано так много разнообразных и экстраординарных ответов? Потому ли, что помимо ясных стандартных случаев, представляемых правовыми системами современных государств, относительно которых никто не сомневается, что они являются правовыми системами, — существуют также и сомнительные случаи, и относительно их «правового качества» колеблется не только обычный образованный человек, но даже и юристы? Примитивное право и международное право в первую очередь являются такими сомнительными случаями, и общеизвестно, что многие находят причины, хотя обычно и не решающие, для того, чтобы отрицать уместность принятого ныне использования слов «право» и «закон» («law») в этих случаях. Существование этих спорных и уязвимых для критики случаев действительно вызвало длительную и отчасти бесплодную полемику, но они, конечно, не могут объяснить затруднения, касающиеся общей природы права, которые выражены насущным вопросом

«Что есть право?» То, что они не могут лежать в корне этих затруднений, как представляется, ясно по двум причинам.

Во-первых, совершенно очевидно, почему в этих случаях чувствуются колебания. Международное право не имеет законодательного органа; государства не могут быть привлечены к суду без их предварительного на то согласия, и не существует централизованной эффективной системы санкций. Определенные типы примитивного права, включая те, из которых постепенно развились некоторые современные правовые системы, также не имеют этих черт, и каждому совершенно ясно, что это их отклонение относительно стандартного случая и является тем, в результате чего их классификация становится спорной. В этом нет никакой тайны.

Во-вторых, то, что нам приходится признавать и чистые случаи, и сомнительные пограничные случаи, не является исключительной особенностью сложных терминов типа «закон» и «правовая система». Теперь известным фактом (хотя на нем когда-то слишком мало заостряли внимание) является то, что это различие должно быть сделано в случае почти всех общих терминов, которые мы используем в классификации свойств человеческой жизни и мира, в котором мы живем. Иногда разница между чистым, стандартным случаем, или образцом использования выражения, и спорными вопросами заключается лишь в количестве. Человек с сияющей гладкой головой определенно лыс; другой, с роскошной шевелюрой, — определенно нет; однако, вопрос о том, является ли третий человек, с клочками волос то тут, то там лысым, мог бы обсуждаться бесконечно, если бы его сочли стоящим того или если бы сюда вмешалася какой-нибудь практический интерес.

Иногда отклонение от стандартного случая заключается не просто в количественном различии, но возникает, когда стандартный случай является в действительности комплексом обычно сопутствующих друг другу, но различных эле-

ментов, из которых один или несколько могут отсутствовать в спорных случаях, вызывающих сомнение. Является ли гидроплан «судном»? Если игра ведется без ферзя — остается ли она шахматами? Такие вопросы могут быть поучительными, поскольку они побуждают нас размышлять и делать эксплицитным наше понятие о содержании стандартного случая; но ясно, что различные пограничные случаи слишком распространены во всех областях, чтобы объяснить при их помощи эти продолжительные дебаты о праве. Более того, лишь относительно малая и неважная часть наиболее знаменитых и противоположных друг другу теорий права касается уместности использования выражений «примитивное право» и «международное право» для описания случаев, в которых они, как это принято, применяются [2].

Заметив, что почти все люди способны распознать и привести пример законов, поняв, насколько многое является общезвестным в стандартном случае правовой системы, мы, казалось бы, с легкостью могли бы положить конец дискуссиям и дать окончательный ответ на насущный вопрос «Что есть право?», просто указав сделав ряд напоминаний о том, что нам уже знакомо. Почему мы просто не повторим схематическое описание черт, присущих внутригосударственной правовой системе, которое мы вложили, возможно слишком оптимистично, в уста образованного человека страницей выше? Тогда мы могли бы просто сказать: «Это является стандартным случаем того, что имеется в виду под 'законом' и 'правовой системой'; запомните, что кроме этих случаев вы найдете также механизмы в социальной жизни, которые, разделяя некоторые из этих явных черт, не имеют некоторых других из них. Это — спорные случаи, где не может существовать никакого решающего аргумента за или против того, чтобы классифицировать их как закон».

Конечно же, такое решение вопроса было бы удобным образом кратким. Но оно не имело бы никаких других достоинств, говорящих в его пользу. Ибо, в первую очередь, ясно, что те, кто наиболее озабочен вопросом «Что есть право?», не забыли и не нуждаются в том, чтобы им напомнили об известных фактах, которые этот схематический ответ предлагает им. То глубокое замешательство, которое сохраняет актуальным этот вопрос, не состоит в игнорировании, или забывчивости, или неспособности признать феномены, к которым слово «право» обычно относится. Более того, если мы рассмотрим термины в нашем схематическом описании правовой системы, станет ясным, что оно делает немногим больше, чем утверждает, что в стандартном, нормальном случае законы различного типа не различаются (*go together*). Это так, поскольку и суды, и законодательство, которые появляются в этом кратком описании как типичные элементы стандартной правовой системы, сами являются порождениями права. Только после того как определенные типы законов предоставляют людям юрисдикцию в определенной области и дают им право создавать законы, возникают суд и законодательство.

Простой путь в решении вопроса, который делает немногим больше, чем напоминает вопрошающему о существующих конвенциях, управляющих использованием слов «закон» и «правовая система», является, таким образом, бесполезным. Ясно, что наилучший метод — это отложить ответ на вопрос «Что такое закон?» до тех пор, пока мы не найдем, что такое есть в законах, что на самом деле запутывало тех, кто отвечал или пытался ответить на него, даже если их знакомство с правом и их способность понимать отдельные примеры находятся вне сомнения. Что еще хотят они знать, и почему они хотят знать это? На этот вопрос может быть дано нечто вроде общего ответа. Ибо существуют определенные вновь и вновь возникающие основные темы, которые составляют постоянный фокус аргументации

и контраргументации относительно природы закона, и которые вызывали и вызывают преувеличенные и парадоксальные утверждения о праве, подобные тем, что мы уже приводили. Спекуляции о природе права имеют долгую и сложную историю; несмотря на это, в ретроспективе видно, что они практически постоянно фокусируются на нескольких принципиальных проблемах. Они не были выбраны или изобретены специально для наслаждения академическими дискуссиями, но касаются тех аспектов права, которые, по-видимому, естественно вызывали во все времена недоразумения; так что замешательство и, как следствие, потребность в достижении большей ясности относительно них может существовать даже в умах глубокомысленных людей, обладающих знанием права и мастерски его применяющих.

2. ТРИ ПОСТОЯННО ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Сформулируем теперь три таких принципиальных вновь и вновь возникающих вопроса и покажем позже, почему они возникают вместе в форме требования дать определение права или ответ на вопрос: «Что такое право?», или в более туманно сформулированных вопросах, вроде таких, как: «В чем заключается природа (или сущность) права?».

Две из этих проблем возникают следующим образом. Наиболее важной общей чертой права везде и во все времена являлось то, что его существование означает, что определенные типы человеческого поведения более не являются произвольными (*optional*), но в некотором смысле обязательными. И все же эта кажущаяся простой характеристика права в действительности не является простой, ибо внутри сферы непроизвольного обязательного поведения мы можем различить разные формы. Первый, простейший смысл, в котором поведение более не является произвольным, — это

когда человека принуждают делать то, что другие говорят ему, не потому, что его физически заставляют в том смысле, что его тело толкают или тянут, а потому, что другие угрожают ему неприятными последствиями, если он откажется. Вооруженный человек приказывает своей жертве отдать кошелек, угрожая выстрелить в случае отказа; если жертва соглашается, мы указываем на способ, которым его заставили сделать это, говоря, что он был должен это сделать. Для некоторых, по-видимому, ясно, что в этой ситуации, где одно лицо дает другому приказ, подкрепленный угрозой и, — в этом смысле слов «обязывать» обязывает его подчиняться, — мы имеем сущность закона, или, по крайней мере, «ключ к науке юриспруденции»[7]. Этот исходный пункт анализа Остина оказал весьма сильное влияние на английскую юриспруденцию [3].

Кажется, нет никакого сомнения в том, что в правовой системе среди прочих аспектов часто присутствует и этот. Для уголовного статута, объявляющего некоторое поведение преступлением и определяющего наказание, которому надлежит предать преступника, сравнение с вооруженным человеком может оказаться вполне адекватным, и единственное отличие, которое можно считать второстепенным, состоит в том, что в случае статутов приказы адресованы в основном группам, которые обычно подчиняются таким приказам. Однако сколь бы привлекательным ни казалось это сведение сложного феномена закона к такому простому элементу — если исследовать его более детально — оно оказывается искажением и источником путаницы даже в случае уголовного статута, где анализ в этих простых терминах кажется наиболее правдоподобным. Как тогда закон и правовое принуждение отличаются от приказов, подкрепленных угрозами, и как они соотносятся с ними? Во все времена такой была первая важнейшая проблема, скрывающаяся в вопросе: «Что есть право?».

Вторая проблема возникает из второго способа сделать поведение не произвольным, а обязательным. Моральные правила накладывают обязательства и изымают некоторые области поведения из сферы свободного выбора индивида делать то, что он хочет. Так же, как правовая система с очевидностью содержит элементы, тесно связанные с простыми случаями приказов, подкрепленных угрозами, — ровно так она с очевидностью содержит и элементы, тесно связанные с определенными аспектами нравственности. В обоих случаях одинаково присутствует трудность в точном установлении родства и соблазн увидеть в наглядном близком сходстве тождество. Право и мораль не только имеют общий словарь, так, что существуют и правовые и моральные обязательства, обязанности и права; но и все внутригосударственные (*municipal*) правовые системы воспроизводят сущность (*substance*) некоторых фундаментальных моральных требований. Убийство и беспричинное использование насилия — лишь наиболее очевидные примеры совпадения между запрещениями права и морали. Кроме этого, существует понятие о справедливости, которое, по-видимому, объединяет обе области: это и добродетель, особо подходящая закону, и наиболее правовая из добродетелей. Мы думаем и говорим о «справедливости в соответствии с законом», но также о справедливости или несправедливости самих законов.

Эти факты предлагают тот взгляд, что закон лучше всего понимать как «ветвь» нравственности или справедливости и что его соответствие (*congruence*) принципам нравственности или справедливости является его «сущностью» скорее, нежели то, что он содержит в себе приказы и угрозы. Эта доктрина характерна не только для холастических теорий естественного права, но и для некоторых современных правовых теорий, критически настроенных к правовому «позитивизму», унаследованному от Остина. И снова — те теории, которые настаивают на близком уподоблении

права морали, как представляется, в конечном итоге смешивают один тип обязательного поведения с другим и оставляют недостаточно места для различий между правовыми и моральными правилами и для расхождений в их требованиях. Они, по крайней мере, столь же важны, как сходства и совпадения, которые мы также можем найти. Таким образом, утверждение, что «несправедливый закон не есть закон»[8], в той же степени преувеличено и парадоксально, если не ложно, что и «статуты не являются законами» или «конституционное право не является частью законодательства» (*constitutional law is not law*). Для этих колебаний между крайностями, которые являются движущей силой правовой теории, характерно, что те, кто не увидел в близком сходстве права и морали ничего, кроме ошибочного вывода из того факта, что право и мораль имеют общий словарь прав и обязанностей, должны были выступать против этого в терминах в равной мере преувеличенных и парадоксальных. «Пророчества о том, что суды в действительности, а не что-либо более претенциозное, — вот что я понимаю под правом»[9] [4].

Третья основная проблема, в течение многих лет побуждавшая задавать вопрос «Что есть право?», имеет более общий характер. На первый взгляд может показаться, что положение о том, что правовая система состоит — во всяком случае в общем — из правил, едва ли может быть подвергнуто сомнению или оказаться трудным для понимания. И те, кто нашел ключ к пониманию закона в понятии приказов, подкрепленных угрозами, и те, кто обнаружил его в связи права и нравственности, или справедливости, — сходным образом говорят о праве как содержащем правила, если не состоящем преимущественно из них. Несмотря на это, неудовлетворение, замешательство и неопределенность, касающиеся этого кажущегося непроблематичным понятия, во многом лежат в основании затруднения, связанного с природой права. Что суть правила? Что означает сказать,

что они существуют?. Действительно ли суды применяют правила или просто притворяются, что делают это? Как только понятие оказалось под сомнением, как это случилось в юриспруденции в этом веке, — сразу же появились большие расхождения во мнениях. Мы их здесь просто обозначим.

Истинным, конечно, является то, что существуют правила многих различных типов, — не только в том очевидном смысле, что кроме правовых правил существуют правила этикета и языка, правила игр и клубов, — но и в том менее очевидном смысле, что даже внутри любой из этих сфер то, что называется правилами, может иметь разное происхождение и может очень по-разному соотноситься с поведением, которого они касаются. Таким образом, даже внутри права некоторые правила произведены законодательством; другие не порождены каким-либо таким намеренным действием. Что более важно — некоторые правила являются обязательными в том смысле, что требуют, чтобы люди вели себя определенным образом, например воздерживались от насилия или платили налоги, желают они того или нет; другие правила, предписывающие процедуры, формальности и условия для заключения браков, составления завещаний, контрактов, — указывают, что людям следует делать, чтобы дать законный ход тому, чего они желают. Тот же контраст, что виден между двумя этими типами правил, можно также заметить и между теми правилами игры, которые запрещают определенные типы поведения под страхом наказания (грубая игра или оскорбление судьи), и теми, которые определяют, что должно быть сделано, чтобы увеличить счет или выиграть. Но даже если мы пренебрежем на мгновение этой сложностью и рассмотрим лишь первый тип правил (которые характерны для уголовного права), мы обнаружим, даже у современных авторов, широчайшие расхождения во взглядах относительно значения утверждения, что правила такого простого обязательного

типа существуют. Некоторые действительно находят это понятие совершенно таинственным.

То описание, которое мы сначала, возможно, естественным образом, испытывали искушение дать обманчиво простой идеи обязательного правила, вскоре придется оставить. Согласно ему, сказать, что правило существует, означает лишь, что группа людей, или большинство из них, ведут себя «как правило» — то есть обычно (generally), определенным схожим образом при некоторых обстоятельствах. Таким образом, сказать, что в Англии существует правило о том, что мужчина не должен находиться в шляпе в церкви, или что он должен вставать, когда играют «Боже, храни королеву», означает, при таком описании ситуации, всего лишь то, что большинство людей обычно это делают. Ясно, что этого недостаточно, даже если это и выражает часть того, что имеется в виду.

Простая согласованность в поведении между членами общественной группы может существовать (все могут регулярно пить чай за завтраком или каждую неделю посещать кинотеатр), и несмотря на это, может не существовать правила, требующего этого. Разница между двумя социальными ситуациями простого совпадающего поведения и существования социального правила часто является себя в языке. Описывая последнее, мы можем, хотя это и не необходимо, использовать определенные слова, которые вводили бы в заблуждение, если бы мы намеревались лишь утверждать первое. Эти слова — «должен» («must»), «следует» («should») и «обязан» («ought to»), которые, несмотря на свое различие, разделяют определенные общие функции, указывая на присутствие правила, требующего определенного поведения. В Англии не существует правила — да ситуация и не такова, — что каждый должен (must), или обязан (ought to), или ему следует (should) ходить в кинотеатр каждую неделю: просто истинным является то, что регулярное посещение кинотеатра каждую неделю довольно

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ	6
1. ЗАТРУДНЕНИЯ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ	6
2. ТРИ ПОСТОЯННО ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ	13
3. ОПРЕДЕЛЕНИЯ.....	23
ГЛАВА ВТОРАЯ	
ЗАКОНЫ, КОМАНДЫ И ПРИКАЗЫ	29
1. РАЗНОВИДНОСТИ ИМПЕРАТИВОВ	29
2. ПРАВО КАК ПРИНУЖДАЮЩИЕ ПРИКАЗЫ	33
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
МНОГООБРАЗИЕ ЗАКОНОВ	40
1. СОДЕРЖАНИЕ ЗАКОНОВ.....	41
2. СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ.....	63
3. СПОСОБЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ	66
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
СУВЕРЕН И ПОДДАННЫЙ.....	74
1. ПОВИНОВЕНИЕ ПО ПРИВЫЧКЕ И НЕПРЕРЫВНОСТЬ ПРАВА	75
2. ПОСТОЯНСТВО ПРАВА.....	90
3. ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ.....	96
4. СУВЕРЕНИТЕТ В ОСНОВЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	103
ГЛАВА ПЯТАЯ	
ПРАВО КАК ЕДИНСТВО ПЕРВИЧНЫХ И ВТОРИЧНЫХ ПРАВИЛ	114
1. НОВОЕ НАЧАЛО	114
2. ИДЕЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.....	118
3. НАЧАЛА ПРАВА	130

ГЛАВА ШЕСТАЯ	
ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ.....	142
1. ПРАВИЛО ПРИЗНАНИЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	142
2. НОВЫЕ ВОПРОСЫ.....	156
3. ПАТОЛОГИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ.....	167
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
ФОРМАЛИЗМ И СКЕПТИЦИЗМ ПО ПОВОДУ ПРАВИЛ	175
1. ОТКРЫТАЯ СТРУКТУРА ПРАВА	175
2. РАЗНООБРАЗИЕ ФОРМ СКЕПТИЦИЗМА ПО ПОВОДУ ПРАВИЛ	192
3. ОКОНЧАТЕЛЬНОСТЬ И БЕЗОШИБОЧНОСТЬ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ	199
4. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПРАВИЛЕ ПРИЗНАНИЯ.....	208
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ	218
1. ПРИНЦИПЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ	221
2. МОРАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ	236
3. НРАВСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ И СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА.....	255
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
ПРАВО И МОРАЛЬ	262
1. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ	262
2. МИНИМАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА	273
3. ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И МОРАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ	282
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	299
1. ИСТОЧНИКИ СОМНЕНИЙ	299
2. ОБЯЗАННОСТИ И САНКЦИИ	303

3. ОБЯЗАННОСТИ И СУВЕРЕНИТЕТ	
ГОСУДАРСТВ	309
4. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МОРАЛЬ	318
5. АНАЛОГИИ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ	326
 ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ	334
ГЛАВА I	335
ГЛАВА II	339
ГЛАВА III	343
ГЛАВА IV	349
ГЛАВА V	353
ГЛАВА VI	356
ГЛАВА VII	363
ГЛАВА VIII	367
ГЛАВА IX	370
ГЛАВА X	373
 Примечания	377

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Герберт ХАРТ

ПОНЯТИЕ ПРАВА

Перевод с английского
O. O. Антипов

(Російською мовою)

Підписано до друку 05.08.2021 р. Формат 60x84 1/16.
Друк лазерний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 24,0. Тираж 300 прим.

ТОВ «КНТ»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців, виготовників і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 581 від 03.08.2001.

Книги, які можуть вас зацікавити

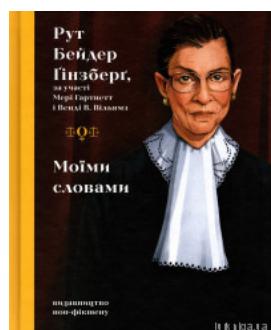
Сущность права.
Проблемы теории и
философии права

Естественное право и
история

Суды и верховенство
права: взгляд из
Нидерландов

Моїми словами:
біографія

Моє! Що кому
належить і як це на нас
впливає

Адвокатська техніка
(підготовка до процесу
і методики
переконання)

Перейти до галузі права
Теорія держави і права

Перейти на сайт →